

**Международный ежегодник
по философии культуры. 1914**

Том I - выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1914: Том I - выпуск 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 192 с.

ISBN 978-5-458-04960-3

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04960-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВОБОДА И СОЗНАНИЕ.

(Къ столѣтію со дня смерти Іоганна Готтлиба Фихте:
29 янв. 1814—29 янв. 1914).

Статья Г. Ланца (Москва).

Личность можетъ быть понята какъ методъ, посредствомъ котораго идея осуществляетъ себя въ жизни: такъ понимаетъ проблему личности и ея роли въ исторіи спекулятивная философія, и это едва ли не самый плодотворный и безусловно самый скромный способъ подхода къ ней. Парадоксъ этого живого метода отъ плоти и духа нашего состоитъ въ томъ, что жизненное осуществленіе идеи предшествуетъ ея осознанію: идея появляется раньше, чѣмъ она проявляется; ея проявленіе въ сознаніи есть ея заключительный этапъ, знаменіе ея побѣды; съ тѣхъ поръ, какъ она принимаетъ форму сознанія, она перестаетъ жить своимъ матеріальнымъ настоящимъ и переходитъ въ царство абсолютнаго будущаго: она становится принципомъ и регулятивомъ жизни въ ея вѣчномъ будущемъ. Философскія системы часто знаменуютъ собою такіе заключительные этапы; исторія пользуется геніемъ ихъ творцовъ какъ методомъ для превращенія идеи изъ формы соціальной силы въ форму осознаннаго регулятивнаго принципа. Если философская система является такимъ методическимъ процессомъ выявленія какой-либо жизненной идеи, то тѣмъ самымъ она становится въ контекстъ исторической жизни и дѣлается ея этапомъ; она проникаетъ въ жизнь и сливается съ нею, уходитъ въ ея будущее и растворяется въ немъ. Въ этомъ жизненномъ моментѣ она находитъ то, что составляетъ ея индивидуальную идею, т.-е. свой конкретный смыслъ и абсолютную этическую цѣнность. Если философскія системы имѣютъ такіа «индивидуальныя идеи», то наиболѣе яркимъ примѣромъ ихъ можетъ служить система Фихте. Ея историческая сущность является выраженіемъ и методическимъ осознаніемъ свободнаго духа ея революціонной эпохи; свобода есть эта индивидуальная идея ея.

Конецъ 18-го столѣтія, когда начиналъ свою философскую дѣятельность Іоганнъ Готтлибъ Фихте, можно разсматривать какъ поворотный пунктъ въ исторіи Европы. Великая французская революція открываетъ собою рядъ событій, потрясшихъ до послѣднихъ основъ культуру феодальнаго рабства и заложившихъ грандіозный фундаментъ для политической свободы будущихъ вѣковъ. Сдавленное темными силами католицизма и окутанное хитроумной сѣтью разслабленнаго дворянскаго феодализма, человѣчество необычайнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ сбрасываетъ съ себя эти вѣковыя пута и громомъ возрожденной свободы рушитъ напыщенно размалеванныя, но до основанія прогнившія подмостки той сцены, на которой аристократъ и монахъ разыгрывали историческую драму свою; и въ то время какъ обломки этой обветшавшей трибуны съ грохотомъ низвергаются въ бездну невозвратимаго прошлаго, идея свободы даруетъ прежнему рабу его личность, какъ человѣка и гражданина.

Идея свободы была девизомъ и вдохновляющимъ лозунгомъ того времени. Французская нація видѣла въ распространеніи и насажденіи этой идеи на землѣ какъ-бы свою историческую миссію. И властный цезаризмъ Наполеона, по формѣ столь противорѣчащій свободному духу времени, по существу однако являлся лишь удобнымъ орудіемъ почти безсознательнаго осуществленія этой миссіи. Идеей свободы проникнуты всѣ творческія начинанія эпохи и всѣ идеалы ея. Свобода слова и печати, совѣсти и профессіи, свобода личности отъ гнета государственнаго и полицейскаго произвола, свобода научнаго изслѣдованія отъ контроля церкви,—всѣ эти завоеванія жизни имѣютъ свой дѣятельный источникъ въ буряхъ этой эпохи. Понятіе государства стягиваетъ съ себя средневѣковый характеръ частной собственности монарха и князей и превращается въ этико-правовой союзъ. Зарождается идея конституціонализма, и воля народа, выраженная въ волѣ парламента, получаетъ этическій и политическій пріоритетъ надъ частной волею монарха. Къ этому присоединяется протестантское требованіе автономнаго самоопредѣленія, которое, будучи съ личной почвы перенесено на почву національную и государственную, воодушевляетъ народы въ борьбѣ противъ ихъ историческихъ поработителей и противъ тѣхъ политическихъ условій, которыя, какъ въ Германіи, создавали невыносимый гнетъ и полное политическое безсиліе, безпощадно задерживая ходъ историческаго развитія и національнаго самоопредѣленія.

Не важно то, что всѣ эти идеи не могутъ быть признаны оригинальнымъ созданіемъ вѣка, и Франціи или Германіи въ частности; свое фактическое происхожденіе онѣ могутъ имѣть въ борьбѣ англійскихъ индипендентовъ съ королевскою властью и въ свободномъ строительствѣ

американскаго пуританизма; но свое жизненное и логическое выявленіе, свое плодотворное развитіе онѣ могли получить только на такой почвѣ, гдѣ на пути ихъ осуществленія стоялъ шахматъ борьбы; ибо только въ борьбѣ, будь то борьба жизненная или только логическая, идея получаетъ свою жизнь и свой смыслъ. Эпоха свободы не могла быть эпохой осуществленной свободы, но лишь эпохой напряженной борьбы за идею свободы.

Философія даннаго періода весьма ярко отразила на себѣ духъ и задачи времени. То, что въ реальной жизни совершалось по законамъ историческаго развитія, почти съ бессознательною необходимостью, со всею неясностью и искаженіями живой борьбы, то самое философія создавала въ ясномъ свѣтѣ чистаго сознанія, вырабатывая идеаль и логическую возможность того, что ковала жизнь передъ ея глазами. Двѣ грандіозныя системы эпохи французской революціи и германскаго броженія—системы Канта и Фихте—по основной тенденціи своего замысла могутъ быть названы философіей свободы. Фихте въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Рейнгольду прямо заявляетъ, что вся его система есть не что иное, какъ анализъ понятія свободы. На ряду съ «абсолютнымъ бытіемъ» чистаго Логоса, его философія выставляетъ новый, могущественный принципъ «абсолютной свободы сознанія». Его идея свободной «дѣятельности» личнаго и національнаго самоопредѣленія, въ которой концентрируются вся его философія и вся его индивидуальная и общественная жизнь, отражаетъ на себѣ съ полной ясностью бурный и неутомимый духъ его эпохи, гордость и силу сознавашаго свою этическую цѣнность человѣчества. Въ свѣтѣ этой абсолютной свободы и высшаго назначенія человѣка тонетъ для него все земное и все мистически небесное; исчезаетъ природа, исчезаетъ наука; весь міръ поглощается въ безконечной работѣ абсолютнаго Я надъ своимъ собственнымъ осуществленіемъ и самоопредѣленіемъ. Необходимость уступивается передъ добромъ, природа поглощается моралью, и наука уступаетъ мѣсто этикѣ. Для Фихте, какъ и для Сократа, существуетъ только человѣкъ и система его правовыхъ и государственныхъ отношеній. Природа оказывается лишь второстепеннымъ фономъ, на которомъ разыгрывается его исторія; она низводится на степень средства и орудія этической исторіи его. Освобожденіе человѣка изъ желѣзныхъ оковъ природы, его возвышеніе надъ нею,—такова завѣтная мечта Фихте, его идеаль. Это освобожденіе и продолженіе совершаются въ моральной личности и цѣнности человѣка.

Однако, какъ возможно такое освобожденіе? Безпопадный разумъ эпохи просвѣщенія разрушилъ иллюзію человѣка о свободѣ, изгналъ понятіе цѣли изъ системы своего желѣзнаго Бога и въ корнѣ уничто-

жилъ возможность морали, какъ свободнаго и цѣлесообразнаго самоопредѣленія. Если міръ построенъ по образцу треугольниковъ и круговъ, если въ немъ царитъ исключительно геометрическая и механическая закономерность, то «человѣкъ» и его этическое понятіе исчезаютъ, какъ пустой миражъ и неоснованная мечта его фантастическаго сердца. Всюду царитъ причинная и математическая необходимость; всякое свободное движеніе человѣка сейчасъ же наталкивается на остріе какой-нибудь линіи или треугольника, и тухнетъ въ самый моментъ своего возникновенія. Свободной личности негдѣ повернуться въ этомъ ужасномъ мірѣ. Не только моральная свобода, но даже всякая моральная опѣнка становится логической нелѣпостью въ этой забронированной и всепоглощающей машинѣ. Человѣку остается только все понимать и все прощать, ибо добро и зло совершенно равнодѣльны передъ лицомъ необходимости. Душа человѣка революціонной эпохи должна была инстинктивно взмущаться противъ такого раціоналистическаго всепрощенія. Это искреннее возмущеніе и протестъ горячаго этическаго темперамента противъ Бога мѣры и числа напелъ свое классическое выраженіе въ «Назначеніе человѣка» у Фихте. Про Фихте можно въ буквальномъ смыслѣ сказать, что онъ такого міра не приметъ. Онъ его не только не принялъ, но и разрушилъ. Онъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, далъ человѣчеству понятіе свободы, сдѣлавъ его не только логически мыслимымъ, но и систематически необходимымъ. Его философія есть бунтъ воли противъ разума, возстаніе морали противъ теоріи—все это въ самыхъ радикальныхъ, въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Не даромъ Фихте назвалъ свою систему «самой революціонной»; дѣйствительно, она выражаетъ возстаніе «человѣка» противъ цѣлаго міра, описываетъ намъ логическую борьбу личности съ необходимостью, процессъ освобожденія «человѣка» изъ тисковъ природы.

Идея этой моральной революціи была заложена философіей Канта. Поэтому Фихте является кантіанцемъ не только какъ завершитель и продолжатель его теоретическаго воззрѣнія, не только потому, что «его исходный пунктъ, какъ обычно выражаются историки, лежитъ въ трансцендентальной аперцепціи», но прежде всего и главнымъ образомъ потому, что основа и цѣль всей системы его совпадаютъ съ кантовской. Обоснованіе этической свободы,—эта основная задача дѣлаетъ его прежде всего историческимъ преемникомъ Канта. Теоретическая философія для обоихъ, особенно для Фихте, является лишь средствомъ для созданія этики. Для этой цѣли реформируется логика, создается новая дисциплина теоріи знанія, для этого разрушается прежняя догматическая концепція міра. Этика не можетъ быть обоснована на прежней метафизической точкѣ зрѣнія; она требуетъ реформы чистаго разума и

«ограниченія» объясняющаго разсудка въ его тенденціи къ исключительному господству. Задача Канта—создать, на ряду съ разумомъ объясняющимъ, разумъ оцѣнивающій. Для этого требуется указать первому его «предѣлы», т.-е. поставить «границы» для теоретической науки и ея логики. Эта граница есть вещь въ себѣ, т.-е. система моральныхъ цѣнностей или царство категорическаго императива; наука находитъ въ эти кѣ свою границу. Для созданія этой границы, т.-е. для обоснованія свободной этики или чистой воли, Кантъ прежде всего долженъ былъ найти такую область, которая не подчиняется и не можетъ подчиняться власти причины, которая стоитъ выше естественно-научной или метафизической необходимости. Такую область даетъ намъ сама логика;—это есть область самого чистаго разума съ его формами и категоріями, къ которому вторично не приложима ни одна объективная категорія. Все въ природѣ подчинено объективнымъ законамъ научнаго разума; все, что доступно разуму, должно быть понито посредствомъ линіи и треугольника, причины и необходимости, кромѣ самого разума. Такимъ образомъ въ самомъ разумѣ логика находитъ элементъ, протестующій противъ объективныхъ законовъ бытія и свободный отъ природы. Возможность понятія свободы, слѣд., основывается на самыхъ глубокихъ результатахъ логики и предполагаетъ ея «критику» и ея систему. Для того чтобы разрѣшить «третью антиномію», закладывающую первый камень этики своимъ утвержденіемъ интеллигибельнаго и свободного отъ «природы» міра, Кантъ долженъ былъ перестроить все зданіе логики и показать, что не природа создаетъ и опредѣляетъ разумъ, а наоборотъ, разумъ—природу. Этимъ коперниковскимъ переворотомъ онъ создаетъ пока еще не систему, но во всякомъ случаѣ возможность этики, ибо принципиально объективному разсудку указаны границы въ немъ же самомъ и понятіе свободы (отъ законовъ природы) перестаетъ быть логическимъ абсурдомъ. Какъ этическая личность, т.-е. какъ разумное существо, человѣкъ стряхиваетъ съ себя природу и возвышается надъ нею; онъ преодолеваетъ свою реальность, какъ физическую, такъ и психическую.

Вотъ эта-то черта этическаго идеализма и сдѣлала систему Канта столь близкой и симпатичной такимъ проникнутымъ этикой личностямъ, какъ Рейнгольдъ и Фихте. Оба нашли въ системѣ Канта разрѣшеніе своихъ моральныхъ сомнѣній. Если всюду царитъ только «природа», то съ моральной точки зрѣнія «все позволено»; человѣкъ превращается въ машину и освобождается отъ всѣхъ моральныхъ обязательствъ. Противъ этого неизбежнаго для догматизма вывода, который не пострашился сдѣлать Спиноза, съ отчаяніемъ протестуетъ бурная натура нѣмецкаго революціоннаго идеалиста; его умъ подчиняется, но сердце

отчаянно протестуетъ. И вотъ, въ моментъ высшаго напряженія его моральныхъ сомнѣній, система Канта открываетъ ему двери къ свободѣ и въ принципахъ чистаго разума обезпечиваетъ побѣду надъ природой. Разумъ, который въ терминологіи Фихте превращается въ чистое Я, свободенъ отъ природы. Поэтому понятно, что, какъ Рейнгольдъ, такъ и Фихте сосредоточиваютъ все свое вниманіе прежде всего на этомъ кардинальномъ понятіи «Я» или чистаго сознанія, которое спасло ихъ отъ моральнаго и религіознаго отчаянія. Прежде всего долженъ быть философски разработанъ и логически обезпеченъ кантовскій смыслъ сознанія. Поэтому первый періодъ философіи Фихте занятъ главнымъ образомъ разработкой этого понятія. Задача его при этомъ заключается въ томъ, чтобы освободить сознаніе отъ послѣднихъ отзвуковъ природы, которые въ формѣ психологическихъ тенденцій снова грозятъ превратить сознаніе и разумъ въ часть природы. Требуется доказать, слѣд., что сознаніе не есть психологическое понятіе, что оно свободно отъ «железныхъ тисковъ» природы и причинной необходимости. Въ сознаніи найденъ принципъ и источникъ свободы; поэтому теорія сознанія становится необходимымъ предусловіемъ возможности и мыслимости свободы. Такимъ образомъ основная проблема теоретической философіи Фихте вытекаетъ телеологически изъ основной идеи всей его личности и его жизни.

Понятіе сознанія для того, чтобы оно могло обосновать идею свободы, должно быть въ корнѣ измѣнено и очищено отъ всѣхъ догматическихъ предразсудковъ. Основная ошибка догматизма въ рамкахъ этой проблемы заключается въ его совершенной неспособности преодолѣть объективную, вещную точку зрѣнія на сознаніе. Сознаніе разсматривается какъ вещь, какъ нѣкоторый объективный субстратъ, которому самый процессъ сознанія принадлежитъ, какъ его функція или свойство; за предѣлами дѣйствительнаго, активнаго сознанія догматическое мышленіе принимаетъ еще нѣкотораго скрытаго носителя, предполагая, что само понятіе функціи указываетъ необходимо на субстанцію, которой она принадлежитъ. Слѣд., сознанію удѣляется лишь второстепенное, зависящее положеніе; его сущность должна быть понята изъ объективной природы вещей. Критическая философія заняла къ понятію сознанія какъ разъ обратную позицію: она все объективное бытіе признала производнымъ и зависимымъ и въ сознаніи создала ему логическую основу. «Въ критической философіи, говоритъ Фихте, вещь есть нѣчто положенное въ Я; въ догматической, наоборотъ, нѣчто, во что полагается само Я».

Фихте приводитъ цѣлый рядъ оснований, по которымъ подобное объективированіе невозможно; дальнѣйшее развитіе такъ называемой имманентной философіи прибавило очень мало къ его аргументаціи и

въ большинствѣ случаевъ только перефразируетъ ее. Главный аргументъ заключается въ томъ, что субстанція есть одна изъ категорій сознанія, имѣетъ въ немъ свое основаніе и свое логическое происхожденіе; поэтому никогда сознаніе не можетъ быть субстанціей, ибо субстанція есть одна изъ формъ сознанія. Кромѣ того, сознаніе не можетъ быть субстанціей уже по одному тому, что оно вообще не есть бытіе. Сознаніе, какъ показалъ Кантъ,—а Фихте исходитъ изъ этого результата—есть основаніе бытія; «основаніе же, въ силу самаго понятія основанія, лежитъ внѣ обосновываемаго».

Отрицаемъ ли мы тѣмъ самымъ вообще сознаніе? Казалось бы, отрицая бытійность сознанія, мы тѣмъ самымъ абсолютно уничтожаемъ его. Сознанія не существуетъ. Однако понятіе не-бытія отнюдь не есть простое отрицаніе и уничтоженіе бытія; наоборотъ, оно выражаетъ возвышеніе бытія въ совершенно новую сферу идеальнаго. Въ этомъ заключается парадоксъ истиннаго отрицанія: отрицая, оно полагаетъ и создаетъ; его чисто негативная функція состоитъ только въ уничтоженіи абсолютности первоначально принятаго понятія; но это уничтоженіе ведетъ лишь къ возвышенію, къ новой и болѣе прочной позиціи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Не-бытіе отнюдь не тождественно съ понятіемъ абсолютнаго ничто, т.-е. полнаго отсутствія; оно означаетъ возвышеніе бытія къ его идеальному основанію. Уничтожается и отрицается только абсолютность и первоначальность объективнаго, фактическаго бытія; оно признается несамостоятельнымъ, производнымъ, логически зависимымъ отъ своего идеальнаго основанія, которое создаетъ ему новую идеальную характеристику, ставитъ его въ новый, чуждый его объективности рядъ отношеній и тѣмъ возвышаетъ его на степень истины. Этотъ положительный смыслъ сознанія, въ противоположность бытію и субстанціи, фиксированъ у Фихте въ терминѣ «дѣятельность». Сознаніе есть чистая дѣятельность, абсолютная функція внѣ всякой субстанціи. Это значитъ, что всѣ объективныя опредѣленія внѣшни и несущественны для сознанія; чтобы получить чистое понятіе сознанія, мы должны абстрагировать отъ всѣхъ побочныхъ, объективирующихъ его въ субстратъ, элементовъ; мы должны взять мысль, какъ таковую, чистую функцію полаганія, не полагая ее снова въ прежнихъ объективныхъ понятіяхъ. Этой функціей исчерпывается бытіе сознанія и лишь въ этомъ смыслѣ можно говорить о его бытіи. Его бытіе тождественно съ его понятіемъ; поэтому изъ понятія Я Фихте заключается къ его бытію и обратно: «Я существуетъ, такъ какъ оно полагаетъ себя», при этомъ бытіе сознанія означаетъ не что иное, какъ само понятіе или чистую функцію полаганія; его бытіе исчерпывается его полаганіемъ и вполне тождественно съ нимъ.

Въ этомъ пунктѣ Фихте приходитъ къ существенной корректурѣ кантовской философіи. Для Канта познаніе возможно только въ сферѣ реального міра, только какъ познаніе явленія. Возможность сверхчувственного познанія совершенно отрицается Кантомъ. Это отрицаніе, однако, можно объяснить только его полемической тенденціей противъ догматическаго познанія вещей въ себѣ; на самомъ же дѣлѣ возможность такого познанія доказывается самимъ фактомъ критики. Ибо, что за родъ познанія представляетъ сама Критика? Вѣдь она все время оперируетъ именно со сверхчувственными элементами, съ категоріями, съ трансцендентальной апперцепціей и т. д., слѣд., ея трансцендентальное познаніе по существу своему неизбѣжно выходитъ за предѣлы эмпирическаго бытія и показываетъ необходимость идеальнаго сверхбытія. Если мы первый родъ эмпирическаго познанія назовемъ чувственнымъ созерцаніемъ, то для обозначенія истиннаго объекта философіи мы должны будемъ сохранить и обосновать правомѣрность термина «интеллектуальное созерцаніе».

Фихте беретъ интеллектуальное созерцаніе подъ свою защиту. Кантъ употреблялъ это понятіе въ другомъ смыслѣ и потому отрицалъ его. Для него интеллектуальное созерцаніе должно было быть проблематическимъ родомъ объективнаго познанія, которое превышаетъ человѣческія способности и является познаніемъ трансцендентнаго. Въ этомъ смыслѣ интеллектуальное созерцаніе не только проблематично, но вообще невозможно и по существу противорѣчиво: трансцендентное, поскольку оно трансцендентно, не можетъ быть осознано никакимъ родомъ сознанія, ибо поскольку оно сознается, постольку оно перестаетъ быть трансцендентнымъ.

Однако самъ имманентный міръ полонъ бытіемъ сверхчувственнаго; въ немъ онъ имѣетъ свою истину и свое основаніе; его самостоятельность есть пустая иллюзія; онъ существуетъ лишь благодаря своему не-бытію въ сознаніи, или, какъ Фихте формулируетъ это въ послѣдній періодъ своей философіи,—въ понятіи. Система чистыхъ понятій опредѣляетъ своей значимостью и своей истиною весь міръ объективнаго бытія. Все, что есть, существуетъ лишь благодаря своему понятію, ибо сама частичка «есть» является ничѣмъ инымъ, какъ понятіемъ. Понятіе своей абсолютной истиной проникаетъ весь міръ объективнаго бытія и строитъ его въ его существенности. Въ этой строительной функціи трансцендентальнаго обоснованія міра система истины или система чистаго понятія является «абсолютнымъ бытіемъ», т.-е. единствомъ бытія и понятія, реальности и идеи. Существуетъ только то, что есть понятіе, и понятіе возможно только о томъ, что существуетъ. Для того, чтобы показать истинный характеръ этого

единства, Фихте предпринимает критику абстрактнаго понятія, какъ его даетъ намъ формальная логика. Онъ показываетъ, прежде всего, что понятіе не противостоитъ вещамъ, какъ отъ нихъ изолированное и изъ нихъ путемъ абстракціи полученное единство, а присутствуетъ въ нихъ самихъ, составляя ихъ существенное бытіе. Оба, т.-е. бытіе и понятіе, являются не изолированными другъ отъ друга реальностями, изъ которыхъ одна существуетъ въ формѣ психическаго представленія въ насъ, а другая въ формѣ предмета внѣ насъ, но необходимо соотносенными другъ съ другомъ моментами одного и того же ихъ высшаго единства; оба абсолютно и генетически связаны другъ съ другомъ такъ, что полаганіе одного изъ нихъ означаетъ предполаганіе другого, т.-е. служить для него его генетическимъ основаніемъ. Оба возможны, слѣд., только какъ члены одного отношенія. Въ этомъ лежитъ разгадка ихъ сущности, которую даетъ Фихте и затѣмъ усваиваетъ вся спекулятивная философія. Всякое отношеніе есть только мысль, опредѣленная форма мысли въ ея значимости. Слѣд., и это отношеніе есть новая «форма мысли» (*Denkform*), въ которой мышленіе полагаетъ само себя,—новая абсолютная категорія, или категорія категорій. Нѣтъ бытія и понятія, какъ изолированныхъ единицъ или сущностей; есть только одно единое отношеніе бытія къ понятію. Въ абсолютной формѣ этого отношенія они синтетически сливаются въ одно; но какъ абстрактные члены, полагаемые этимъ отношеніемъ, они различны и даже противоположны. «Различіе бытія и понятія, говоритъ Фихте, является поэтому формой мысли... и такъ какъ понятіе понятія есть абсолютно первое и высшее понятіе, то абсолютной формой мысли», т.-е. формой формы, идеей идей. Эту абсолютную идею, идею какъ таковую, выражающую единство бытія и понятія, Фихте называетъ «абсолютнымъ бытіемъ»; оно есть значимость понятія, которая въ то же время разсматривается какъ міръ. Мы имѣемъ въ немъ выраженіе основной мысли идеалистической философіи, для которой міръ есть идея.

Объективное или «связанное» бытіе есть поэтому только абстрактный моментъ; оно есть игнорированіе понятія, какъ понятія. Всякое А существуетъ объективно лишь тогда, когда въ полагающемъ его сужденіи отбрасывается сама характеристика сужденія, или когда въ значимости его бытія абстрагируется отъ момента значимости; въ этой абстракціи А есть непосредственное объективное существованіе, которое игнорируетъ свое основаніе и живетъ въ непосредственной объективности предиката; эта непосредственность и абстрактность характеризуетъ эмпирическое міросозерцаніе, которое означаетъ, такъ сказать, неоконченное, несовершенное познаніе,—умозаключеніе безъ предпосылокъ (*consequentiae absque praemissis*). Каждая единичная вещь, всякій за-

конъ міра, всякое вообще опредѣленное бытіе его, есть въ существѣ своемъ лишь результатъ длиннаго процесса обоснованія; эмпирическое же сознаніе выхватываетъ изъ всего этого процесса его послѣднее звено и считаетъ его абсолютнымъ, т.-е. обоснованнымъ въ себѣ; оно не видитъ его предпосылокъ. Признать только бытіе и ничего не признать надъ нимъ, никакого сверхъ-бытія, значитъ признать незаконченную абстракцію принципомъ міра, моментъ отношенія признать абсолютномъ. Этотъ абсолютизмъ объективности является, по мнѣнію Фихте, характерной чертой всякаго догматизма. Догматизмъ есть такое направленіе въ философіи, которое понятіе растворяетъ въ бытіи; его можно назвать абсолютизмомъ объективнаго бытія, ибо онъ признаетъ только бытіе, которое, не пройдя еще черезъ характеристику понятія, есть «въ себѣ—бытіе» (An sich). Фихте показываетъ, что такой абсолютизмъ скрываетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Такъ какъ съ точки зрѣнія догматизма все есть только бытіе, то и самъ этотъ предикатъ «есть» долженъ быть разсмотрѣнъ имъ, какъ нѣчто существующее. «Есть» само существуетъ, т.-е. само есть. Анализируемъ это сужденіе. Какъ субъектъ этого положенія, само «Есть» принимается какъ объективное бытіе, какъ нѣкоторое An sich, и о немъ высказывается предикатъ существованія; но въ этомъ высказываніи самъ предикатъ уже не существуетъ, какъ объективное бытіе, но только значить, т.-е. претендуетъ на дѣйность истины; бытіе переносится въ сферу значимости, высказыванія или, какъ называетъ это Фихте, въ сферу «Слова». Такимъ образомъ смыслъ предиката противоположенъ смыслу субъекта. Если каждое «Есть» только существуетъ, то невозможно никакое высказываніе, никакое сужденіе, такъ какъ каждое сужденіе, какъ таковое, есть нѣчто противоположное бытію, хотя и связанное съ нимъ; его внутренняя тенденція выражается не бытіемъ, а дѣйностью. Поэтому абсолютное въ-себѣ-бытіе исключаетъ всякую возможность всего, что выходитъ за его сферу; считая всякую предикацію въ ея основномъ элементѣ «Есть» только бытіемъ, оно уничтожаетъ всякое мышленіе, такъ какъ въ этой концепціи мышленіе въ-себѣ-бытія само должно быть въ-себѣ-бытіемъ. Поэтому Фихте много разъ повторяетъ, что абсолютный реализмъ въ-себѣ-бытія исключаетъ возможность мышленія. «Я говорю: это ваше Есть совершенно невозможно и противорѣчиво, такъ какъ то, что высказывается, противорѣчитъ самому факту высказыванія; если бы это Есть было истиннымъ, оно не могло бы быть высказано, а разъ оно высказывается, оно уже тѣмъ самымъ становится ложнымъ. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ Есть высказывается то, что оно абсолютно замкнуто въ самомъ себѣ и для себя; въ немъ нѣтъ никакого отношенія къ чему-либо внѣшнему. Но